А. В. Аверина

О РОЛИ КОНСТРУКЦИЙ С СЕМАНТИКОЙ ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ ТЕКСТОВЫХ КАТЕГОРИЙ И ОПРЕДЕЛЕНИИ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Работа представлена кафедрой грамматики английского языка Московского педагогического государственного университета

В статье прослеживается, как конструкции с семантикой предположения позволяют реализоваться структурным и содержательным текстовым категориям. Выявлена также их роль в определении коммуникативной стратегии речи: конструкции с имплицитно выраженной семантикой эпистемической модальности усиливают напряжение в повествовании.

Ключевые слова: *коммуникативная стратегия речи, категории текста, эпистемичекая модальность.*

A. Averina

ROLE OF CONSTRUCTIONS WITH EPISTEMIC MODALITY IN TEXT CATEGORIES FORMING AND SPEECH STRATEGY DEFINING (BASED ON THE GERMAN LANGUAGE)

The article deals with the capacity of constructions with epistemic modality to express structural and substantial text categories. Their role in defining of a speech strategy is also shown: structures with implicit epistemic modality increase tension in the semantic structure of narration.

Key words: *speech strategy, text categories, epistemic modality.*

В лингвистической литературе уже не раз указывалось на то, что одним из наиболее сложных и наименее разработанных вопросов, связанных с категориями текста, является вопрос о том, как формируется их план выражения и какие средства закреплены за той или иной категорией текста [6, с. 83]. Решению этой проблемы, на наш взгляд, может способствовать исследование грамматических конструкций на уровне предложения, диктемы – минимальной тематической единицы [1] и текста, поскольку это позволит не

только рассмотреть структурно-семантические особенности организации предложения, но и выявить их роль в формировании текстовых категорий и реализации идеи автора. Особую значимость при этом приобретают конструкции с семантикой эпистемической модальности (значение предположения), поскольку они способствуют оформлению взглядов автора и эксплицированию его точки зрения, придавая высказыванию антропоцентрический характер. Это, в свою очередь, подводит к лучшему пониманию авторской идеи и вúдению коммуникативной стратегии речи. Последняя позволяет определить функции использованных автором языковых средств и их роль в структуре текста [5, с. 160].

В этой связи попытаемся провести анализ роли конструкций с семантикой эпистемической модальности в формировании текстовых категорий и определении коммуникативной стратегии художественного произведения. В интерпретации И. Р. Гальперина категория – это понятие, получившее свое научно осознанное выражение. «В категориях выражаются определенные закономерности, выделяемые в объектах данной науки, причем эти закономерности суть абстракции отношений» [2, с. 13], грамматическая категория – это «обобщенный класс форм, выражающий определенное грамматическое понятие» [2, с. 15].

Исследователи выделяют различные категории текста. Так, Т. В. Матвеева предлагает разделить текстовые категории на три разновидности: линейные, полевые и объемные [4]. В. В. Одинцов выделяет две категории: содержания и формы. К категориям содержания он относит тему, идею и собственно содержание. Содержание – материал действительности, использованный для раскрытия темы, те факты, явления, которые подверглись обработке в речи [5, с. 136]. Содержание и тема формируют идею произведения. К категориям формы относятся композиция и язык, они и формируют приемы изображения, а сюжет соединяет категории содержания и формы. Общий результат соотнесенности всех понятий дает структуру текста, которая выступает в роли основного предмета стилистики речи [5, с. 138–139].

И. Р. Гальперин и З. Я. Тураева также делят категории текста на содержательные и структурные. И. Р. Гальперин не проводит между ними столь четкого разграничения, так как отдельные категории одновременно являются и содержательными, и структурными (континуум, модальность, ретроспекция и проспекция и др.) [2].

З. Я. Тураева относит к структурным категориям сцепление, интеграцию, прогрессию/стагнацию; к содержательным – образ автора, художественное пространство и время, информативность, причинность, подтекст [6].

Анализ практического материала показывает, что эпистемическая модальность способствует формированию как структурных, так и содержательных текстовых категорий. Этот вид модальных значений имеет различные способы своего выражения: эксплицитные (модальные слова, частицы, конструкция werden + Infinitiv I (II) и модальный глагол + Infinitiv I (II)) и имплицитные (риторические вопросы, внутренний диалог).

Предложения, содержащие конструкции с семантикой эпистемической модальности, играют важную роль в любом повествовании: выражая предположение, говорящий соотносит факты со своим представлением о действительности, устанавливая референцию с реальным миром. Это отражается и на их текстообразущем потенциале: по нашим наблюдениям, конструкции с семантикой эпистемической модальности стоят чаще всего в конце микротемы, или диктемы:

(1) *Otto bezweifelt es. Er wird erst munter, als das Eiserne Pferd eintritt. Es ist eine imposante Erscheinung, mit hohen Schnürstiefeln, schwarzer Wäsche, einer Art Löwenbändiger-uniform, einer grauen Astrachan-Fellkappe und einem Mund voller Goldzähne. Generationen junger Lyriker und Redakteure haben auf ihr das Examen des Lebens gemacht, und sie ist auch für Otto durch Vorstandsbeschluß bestimmt worden. Sie oder Fritzi. Wir haben darauf bestanden, dass sie in großer Aufmachung käme – und sie hat uns nicht im Stich gelassen. Sie stutzt, als wir sie mit Otto bekanntmachen. Sie*

hat ***wohl*** *geglaubt, etwas Frischeres, Jüngeres vorgeworfen zu bekommen (E. M. Remarque. Der schwarze Obelisk).*

(2) *Scherz lacht wieder, aber ziemlich hohl jetzt. Ich lache auch. Keiner glaubt dem anderen; aber jeder hat einen Haken geschluckt. Er Schwarzkopf, und ich, dass ich ihn* ***vielleicht*** *diesmal doch erwischen werde (E. M. Remarque. Der schwarze Obelisk).*

Конечная либо начальная позиция в диктеме – это всегда сильные позиции, а это, в свою очередь, способствует формированию таких структурных текстовых категорий, как членимость текста, когезия, континуум, автосемантия отрезков, ретроспекция и проспекция, модальность, интеграция и завершенность. Попытаемся проследить это на примерах.

Любой текст обладает членимостью. Членимость может быть объемно-прагматической (деление текста на тома, книги, части, главы и т. д.) и контекстно-вариативной (речь автора, чужая речь, несобственно-прямая речь) [2, с. 52].

Участие предложений с семантикой предположения в контекстно-вариативном членении состоит в том, что они оформляют такой речетворческий акт, как рассуждение, помогают эксплицировать точку зрения автора. Эта функция – участие в контекстно-вариативном членении – тесно связана с ее свойством формировать категории автосемантии, субъективно-оценочной модальности и ретроспекции. Рассмотрим это на примере отрывка из произведения Э. М. Ремарка «На Западном фронте без перемен»:

(3) *Wir würden nicht mehr verbunden sein mit ihr, wie wir es waren. Nicht die Erkenntnis ihrer Schönheit und ihrer Stimmung hat uns ja angezogen, sondern das Gemeinsame, dieses Gleichfühlen einer Bruderschaft mit den Dingen und Vorfüllen unseres Seins, die uns abgrenzte und uns die Welt unserer Eltern immer etwas unverständlich machte; – denn wir waren irgendwie immer zärtlich an sie verloren und hingegeben, und das Kleinste mündete uns einmal immer in den Weg der Unendlichkeit. Vielleicht war es nur das Vorrecht unserer Jugend – wir sahen noch keine Bezirke, und nirgendwo gaben wir ein Ende zu; wir hatten die Erwartung des Blutes, die uns eins machte mit dem Verlauf unserer Tage.*

Heute würden wir in der Landschaft unserer Jugend umhergehen wie Reisende. Wir sind verbrannt von Tatsachen, wir kennen Unterschiede wie Händler und Notwendigkeiten wie Schlächter. Wir sind nicht mehr unbekümmert – wir sind fürchterlich gleichgültig. Wir würden da sein; aber würden wir leben?

Wir sind verlassen wie Kinder und erfahren wie alte Leute, wir sind roh und traurig und oberflächlich – ich ***glaube,*** *wir sind verloren (E. M. Remarque. Im Westen Nichts Neues).*

Анализ эпизода, содержащего рассуждения героя, позволяет заметить, что часть предложения *ich glaube, wir sind verloren,* выступающая в конце отбивки, служит некоторым обобщением сказанного выше главным героем, актуализирует тему произведения, еще раз подчеркивает, что молодые ребята уже сейчас «потеряли» себя в этом мире.

В приведенном отрывке размышления главного героя переплетаются с мыслями автора, – это позволяет, в свою очередь, реализоваться категории субъективно-оценочной текстовой модальности, дает читателю представление о мироощущении повествующего, поскольку раскрывается его личностное отношение к происходящему. Конечная позиция предложения с модусной частью позволяет реализоваться и категории членимости, поскольку как обобщение оно выступает в конце диктемы как минимальной единицы тематизации и компонента более сложного синтаксического целого. В приведенном высказывании предложение *Wir sind verlassen wie Kinder und erfahren wie alte Leute, wir sind roh und traurig und oberflächlich – ich glaube, wir sind verloren,* формирующее отдельную диктему, представляет собой философское обобщение размышлений героя. Обращает на себя внимание выделение его в отдельном абзаце, что повышает автосемантичность фрагмента. С одной стороны, оно органически вплетено в основной текст; с другой стороны, обладает некоторой независимостью.

Итак, в приведенном примере мы можем проследить реализацию таких текстовых ка-

тегорий, как членимость, модальность и автосемантичность. Рассмотрим еще один фрагмент, в котором конструкции с семантикой эпистемической модальности позволят реализоваться категории автосемантии:

(4) *„Möchtest du in sie zurück?" fragte sie. „Ich* ***glaube*** *nicht, dass ich es könnte. Mein Vaterland hat mich wider meinen Willen zum Weltbürger gemacht. Nun muss ich es bleiben. Zurück kann man nie." (Remarque E. M. Die Nacht von Lissabon).*

Этот отрывок представляет собой диалог, включающий в себя рассуждение одного из говорящих. Главный герой, оценивая возможность возвращения на родину, комментирует ситуацию в стране. Выступая в начале диктемы и вводя новую для читателя информацию с элементом рассуждения, конструкция с семантикой предположения делает высказывание автосемантичным и его интенция состоит в том, чтобы выразить точку зрения автора. Этот же фрагмент демонстрирует реализацию в тексте таких категорий, как членимость и модальность: аксиологический предикат вводит информацию, раскрывающую отношение героя к происходящему, в результате возникает определенное противопоставление его мнения состоянию и положению дел, общему настроению.

Конструкции с семантикой предположения способствуют реализации в тексте категорий ретроспекции и когезии.

По определению И. Р. Гальперина, ретроспекция – грамматическая категория текста, объединяющая формы языкового выражения, относящие читателя к предшествующей содержательно-фактуальной информации [2, с. 106].

В романе Э. М. Ремарка «На Западном фронте без перемен» главный герой повествует об ожидании перемирия среди солдат:

(5) *Jeder spricht von Frieden und Waffenstillstand. Alle warten. Wenn es wieder eine Enttäuschung wird, dann werden sie zusammenbrechen, die Hoffnungen sind zu stark, sie lassen sich nicht mehr fortschaffen, ohne zu explodieren. Gibt es keinen Frieden, dann gibt es Revolution. Ich habe vierzehn Tage Ruhe, weil ich etwas Gas geschluckt habe. In einem kleinen Garten sitze ich den ganzen Tag in der Sonne. Der Waffenstillstand kommt bald, ich* ***glaube*** *es jetzt auch. Dann werden wir nach Hause fahren (E. M. Remarque. Im Westen Nichts Neues).*

В приведенном отрывке ретроспекция реализуется словами *ich glaube es jetzt auch*. Внимание читателя переносится с событий, происходящих в момент описания *Ich habe vierzehn Tage Ruhe, weil ich etwas Gas geschluckt habe. In einem kleinen Garten sitze ich den ganzen Tag in der Sonne* на предшествующие данному событию размышления и разговоры о перемирии. *Ich glaube es jetzt auch* выступает как модусная часть высказывания: главный герой подчеркивает, какое значение он придает вопросу о перемирии, привлекая тем самым внимание читателя. В этом смысле ретроспекция позволяет реализоваться и категории когезии, когда отдельные фрагменты текста оказываются связанными, обеспечивая его целостность и последовательное изложение.

Рассмотрим еще ряд отрывков, в которых конструкции с семантикой эпистемической модальности позволяют реализоваться категории ретроспекции:

(6) *Mein Ziel war der Ort Feldkirch, von dem ich wusste, dass er im Sommer von Ferienreisenden besucht wurde. Ich erwartete, da nicht so aufzufallen. Auch Züge hielten dort. Ich erreichte ihn. Mit dem nächsten Zug fuhr ich von der Grenze weg, um aus der gefährlichsten Zone herauszukommen. Als ich in das Abteil trat, saßen dort zwei SA-Männer in Uniform.*

Ich glaube*, dass mein Training mit der Polizei Europas mir in diesem Augenblick zu Hilfe kam, sonst wäre ich wohl zurückgesprungen. So stieg ich ein und setzte mich in eine Ecke neben einen Mann in Lodentracht, der ein Gewehr bei sich hatte.*

Es war mein erster Zusammenstoß nach fünf Jahren mit allem, was für mich die Verkörperung des Abscheus war. Ich hatte es mir in den vergangenen Wochen oft vorgestellt, aber die Wirklichkeit war anders. Es war der Körper, nicht der Kopf, der reagierte; es war der Magen, der zu Stein, der Mund, der eine Raspel wurde (E. M. Remarque. Die Nacht von Lissbon).

В рассматриваемом фрагменте ретроспекция, выраженная предложением *Ich glaube, dass mein Training mit der Polizei Europas mir in diesem Augenblick zu Hilfe kam, sonst wäre ich wohl zurückgesprungen*, позволяет, во-первых, восстановить в памяти читателя изложенную выше информацию о предыдущих мытарствах главного героя; во-вторых, дает возможность переосмыслить происшедшее в новых условиях. Герой рассказывает о событиях своей жизни; предположение с оттенком обобщения, выраженное оборотом *ich glaube*, возвращает читателя к той информации, которая была изложена выше. В этом смысле ретроспекция позволяет реализоваться и категории когезии, поскольку обеспечивается континуум излагаемых событий: минимальные единицы тематизации (диктемы) образуют единое целое.

(7) *Ich war nervös, seit wir hier saßen. Es lag* ***wahrscheinlich*** *an dem geschlossenen Raum mit den vielen Vorhängen, dem Bewusstsein, dass Deutsche hier sein sollten, und der Tatsache, dass ich zu weit von der Tür weg saß, um entkommen zu können – ich war daran gewöhnt, überall nahe beim Ausgang zu sitzen. Ich war auch nervös, weil ich das Schiff nicht mehr sah.* ***Wer wusste****, ob es nicht nachts noch die Anker lichtete, früher, als angesagt war, wegen irgendeiner Warnung (Remarque E. M. Die Nacht von Lissabon).*

В приведенном фрагменте герой романа размышляет о возможной причине своего состояния. Он переосмысливает все в новых условиях и в другом контексте – это и создает своего рода модальный континуум текста.

Можно также заметить, что конструкции с семантикой эпистемической модальности часто участвуют в передаче причинно-следственных отношений:

(8)*"Lass dich nie dazu bringen. Du bist immer verloren. Wozu willst du recht haben?"*

"Ja", sage ich. "Wozu? Weil ich ein Sohn deutscher Erde bin, ***wahrscheinlich.*** *Hast du nie Argumente mit einer Frau?" (E. M. Remarque. Der schwarze Obelisk).*

(9) *Gerade als ich schläfrig werde, sehe ich die Witwe Konersmann die Straße kreuzen. Sie glaubt* ***wahrscheinlich****, dass Brüggemann sich versteckt habe, und leuchtet unsern Hof nach ihm ab (E. M. Remarque. Der schwarze Obelisk).*

(10) *Woher er den Salat mit der Mayonnaise hat, ist ein Rätsel. Der Salat ist sogar frisch.* ***Vielleicht*** *hat er ihn von seinem eigenen Abendessen geopfert (E. M. Remarque. Der schwarze Obelisk).*

В приведенных высказываниях предложения, содержащие модальные слова *vielleicht, wahrscheinlich*, раскрывают причины событий, речь о которых идет в предыдущих высказываниях. На примере следующего фрагмента мы можем проследить, как модальное слово *wahrscheinlich* объединяет в себе семантику предположения и причины:

(11) *Das Fenster des alten Knopf ist dunkel.* ***Wahrscheinlich*** *ist er schon tot (E. M. Remarque. Der schwarze Obelisk).*

Применив прием трансформации, мы получаем следующее высказывание:

(11a) *Das Fenster des alten Knopf ist dunkel. Er ist schon tot,* в котором логическая взаимосвязь между предложениями теряется.

Таким образом, способность конструкций с семантикой предположения передавать причинно-следственные отношения позволяет, во-первых, рассматривать категорию эпистемической модальности как синкретическую категорию; во-вторых, подтверждает ее способность участвовать в формировании такой текстовой категории, как континуум, поскольку причина всегда тесно связана со следствием и, по нашему мнению, их целесообразно рассматривать в едином смысловом комплексе.

Рассмотрим роль конструкций с семантикой эпистемической модальности в формировании таких содержательных категорий, как образ автора и персонажа, время, причинность и подтекст. Проследим это на материале произведения Г. Гессе «Сиддхартха».

Одним из средств, способствующих реализации категории образа автора и персонажа в тексте, являются вопросительные предложения с вопросительным словом и без него:

(12) *Aber wo waren die Brahmanen, wo die Priester, wo die Weisen oder Büßer, denen es gelungen war, dieses tiefste Wissen nicht bloß zu wissen, sondern zu leben? Wo war der Kundige,*

der das Daheimsein im Atman aus dem Schlafe herüberzauberte ins Wachsein, in das Leben, in Schritt und Tritt, in Wort und Tat? Viele ehrwürdige Brahmanen kannte Siddhartha, seinen Vater vor allen, den Reinen, den Gelehrten, den höchst Ehrwürdigen. Zu bewundern war sein Vater, still und edel war sein Gehaben, rein sein Leben, weise sein Wort, feine und adlige Gedanken wohnten in seiner Stirn – aber auch er, der so viel Wissende, lebte er denn in Seligkeit, hatte er Frieden, war er nicht auch nur ein Suchender, ein Dürstender? ***Musste er nicht immer und immer wieder an heiligen Quellen, ein Durstender, trinken, am Opfer, an den Büchern, an der Wechselrede der Brahmanen? Warum musste er, der Untadelige, jeden Tag Sünde abwaschen, jeden Tag sich um Reinigung mühen, jeden Tag von neuem? War denn nicht Atman in ihm, floss denn nicht in seinem eigenen Herzen der Urquell?*** *Ihn musste man finden, den Urquell im eigenen Ich, ihn musste man zu eigen haben! Alles andre war Suchen, war Umweg, war Verirrung (H. Hesse. Siddhartha).*

В приведенном отрывке Сиддхартха спрашивает самого себя о том, почему его отец, достойнейший из достойных, ученый, до сих пор не обрел мир и не достиг блаженства, почему он из дня в день должен был смывать с себя грехи и заботиться о своем очищении. Эти вопросы позволяют главному герою высказать свое предположение о том, что в самом человеке должен быть божественный первоисточник, а поиск его извне – не что иное, как заблуждение. В оформлении семантики эпистемической модальности участвуют, таким образом, так называемые вопросительно-повествовательные предложения (по терминологии М. Я. Блоха) [1], основное назначение которых – выражение сомнения: ***Musste er nicht immer und immer wieder an heiligen Quellen, ein Durstender, trinken, am Opfer, an den Büchern, an der Wechselrede der Brahmanen? War denn nicht Atman in ihm, floss denn nicht in seinem eigenen Herzen der Urquell?*** Мысли героя о том, что, вероятно, все можно найти в самом себе, и формируют образ персонажа. В свою очередь, образ каждого персонажа, их система в литературном произведении являются не только самостоятельным художественным образом, но и «эстетическим знаком», или элементом «образа автора» [3, с. 239].

Вопросительные предложения без вопросительного слова с отрицанием, выражая семантику предположения, служат одновременно и в роли одного из средств оформления категории подтекста: во внутренней речи персонажей в этих предложениях уже содержится скрытый ответ на поставленный вопрос.

В следующем отрывке семантика предположения содержится в вопросе с отрицательным словом: говорящий, анализируя события прошлого и свои представления о жизни, вдруг начинает понимать, что его взгляды были ошибочны:

(13) *Jenen ganzen Tag saß er unter dem Mangobaume, seines Vaters gedenkend, Govindas gedenkend, Gotamas gedenkend. Hatte er diese verlassen müssen, um ein Kamaswami zu werden? Er saß noch, als die Nacht angebrochen war. Als er aufschauend die Sterne erblickte, dachte er: "Hier sitze ich unter meinem Mangobaume, in meinem Lustgarten." Er lächelte ein wenig –* ***war es denn notwendig, war es richtig, war es nicht ein törichtes Spiel, dass er einen Mangobaum, dass er einen Garten besaß?*** *(H. Hesse. Siddhartha).*

В приведенном фрагменте последнее вопросительное предложение с отрицанием не только передает предположение героя относительно своих заблуждений, но и выражает скрытый смысл: обладание садом и манговым деревом – это всего лишь глупая игра. Отчасти этим предложением выражено художественное время: события прошлого обобщаются и подводится итог, найдена причина душевного разлада героя. В какой-то степени это предложение автосемантично, поскольку передает одну из основных идей произведения: обладание вещью преходяще, а вечно лишь то, что остается в душе.

Категория имплицитной эпистемической модальности проявляется в предложениях, содержащих вопрос героя к самому себе и ответ на этот вопрос. Здесь просматривается стремление автора обобщить наблюдаемые явления и отношения между ними – это один из способов определения

задачи художественного произведения, т. е., по терминологии И. Р. Гальперина, его содержательно-концептуальной информации [2]:

(14) *Langsamer ging der Denkende dahin und fragte sich selbst: "Was nun ist es aber, das du aus Lehren und von Lehrern hattest lernen wollen, und was sie, die dich viel gelehrt haben, dich doch nicht lehren konnten?" Und er fand: "Das Ich war es, dessen Sinn und Wesen ich lernen wollte. Das Ich war es, von dem ich loskommen, das ich überwinden wollte. Ich konnte es aber nicht überwinden, konnte es nur täuschen, konnte nur vor ihm fliehen, mich nur vor ihm verstecken. Wahrlich, kein Ding in der Welt hat so viel meine Gedanken beschäftigt wie dieses mein Ich, dies Rätsel, dass ich lebe, dass ich einer und von allen andern getrennt und abgesondert bin, dass ich Siddhartha bin! Und über kein Ding in der Welt weiß ich weniger als über mich, über Siddhartha!" (H. Hesse. Siddhartha).*

В приведенном отрывке главный герой размышляет над тем, почему он не смог получить от своих учителей знание жизни. В ходе своих размышлений он приходит к выводу о том, что все знание – в нем самом. В роли языковых средств, при помощи которых происходит оформление семантики эпистемической модальности, выступает вопрос с отрицанием и следующий за ним ответ во внутренней речи персонажа.

В следующем отрывке мы также находим информацию, передающую внутреннее состояние героя – она обобщает уже сказанное выше и объясняет причину тяжелой болезни Сиддхартхи – неумение любить:

(15) *Mit lächelndem Gesicht schaute Siddhartha ihm nach, er liebte ihn noch immer, diesen Treuen, diesen Ängstlichen. Und wie hätte er, in diesem Augenblick, in dieser herrlichen Stunde nach seinem wunderbaren Schlafe, durchdrungen von Om, irgend jemand und irgend etwas nicht lieben sollen! Eben darin bestand die Verzauberung, welche im Schlafe und durch das Om in ihm geschehen war, dass er alles liebte, dass er voll froher Liebe war zu allem, was er sah. Und eben daran, so* ***schien*** *es ihm jetzt, war er vorher so sehr krank gewesen, dass er nichts und niemand hatte lieben können (H. Hesse. Siddhartha).*

Предположение оформлено посредством глагола *scheinen*: в предложении с этим глаголом содержится объяснение причины трагедии героя; этот внутренний монолог способствует оформлению такой текстовой категории, как причинность.

Итак, мы видим, что конструкции с семантикой эпистемической модальности способствуют оформлению содержательных структурных текстовых категорий. В свою очередь, это подводит нас к пониманию коммуникативной стратегии произведения. По определению В. В. Одинцова, «коммуникативная стратегия заключается в таком развертывании тезиса (основной мысли), чтобы наилучшим образом не только раскрыть содержание, но повлиять на ситуацию. Это связано с выбором общего композиционного типа, приемов подачи фактов и их освещения, общей тональностью изложения. Коммуникативная стратегия обусловливается речевой установкой» [5, с. 167].

Как отмечает В. В. Одинцов, основным лингво-психологическим принципом коммуникативной стратегии является постоянное увеличение напряжения. Оно может быть экстенсивным и интенсивным. Экстенсивное увеличение напряжения заключается в группировке фактов и положений: наиболее эффективные факты следуют за менее эффективными, сильный довод помещается после слабых и т. п. Интенсивное – связано с таким построением речи, когда кульминация отодвигается, приближена к заключению, к концу. В этом случае речь организуется динамическим соотношением завязки, кульминации и разрешением конфликта (развязки). Этим и определяется композиционно-стилистическое единство речи, законченность изложения [5].

Анализ практического материала показывает, что предложения с имплицитной семантикой эпистемической модальности усиливают напряжение (12), (13), (14). Эксплицитно выраженная семантика предположения содержится в тех фрагментах призведений, которые содержат саму развязку. Проследим это на примере следующих высказываний:

(16) *Ich hätte gern Ruth noch benachrichtigt, dass ich die Nacht nicht zurück käme; aber*

plötzlich, als ich in das schlecht riechende, dunkle Taxi einstieg, sprang mich eine so wilde, entsetzliche Hoffnung an, dass ich fast taumelte. // ***Vielleicht*** *war dies alles wirklich wahr; vielleicht war unser Leben noch nicht zu Ende, und das Unmögliche wurde Tatsache: unsere Rettung (Remarque E. M. Die Nacht von Lissabon).*

(17) *Sie hasste die Krankheit. Sie versuchte, sie zu ignorieren. Sie fühlte sich beschmutzt, als ob Würmer in ihr herum kröchen. Sie hatte das Gefühl, dass die Krankheit ein qualliges Tier sei, das in ihr lebte und wüchse. Sie glaubte, ich würde mich vor ihr ekeln, wenn ich es wüsste. //* ***Vielleicht*** *hoffte sie auch immer noch, sie könne die Krankheit ersticken, indem sie keine Kenntnis davon nähme." (Remarque E. M. Die Nacht von Lissabon).*

(18) *„Sie wird nirgendwo stehen", flüsterte sie. „Wo ist für Tote eine Guillotine? Sie kann uns nicht mehr zerschneiden, man kann das Licht nicht zerschneiden und nicht den Schatten, aber hat man nicht unsere Arme zerbrechen wollen, immer wieder? Halte mich, hier in dieser Verzauberung und dem goldenen Dunkel, und //* ***vielleicht*** *wird etwas davon in uns bleiben und die arme Stunde unseres letzten Atems erleuchten." (Remarque E. M. Die Nacht von Lissabon).*

В первом отрывке в конце диктемы мы находим надежду героя на будущее, на возможное спасение: *Vielleicht war dies alles wirklich wahr; vielleicht war unser Leben noch nicht zu Ende, und das Unmögliche wurde Tatsache: unsere Rettung*. Главная мысль этого отрывка находит свое выражение и в других фрагментах текста – *Vielleicht hoffte sie auch immer noch, sie könne die Krankheit ersticken, indem sie keine Kenntnis davon nähme* (17), *vielleicht wird etwas davon in uns bleiben und die arme Stunde unseres letzten Atems erleuchten* (18). Основная мысль – это надежда героев и автора на изменение ситуации к лучшему. В этих случаях «модальная оценка, которую дает автор текста сообщаемой информации, взаимодействует с модальной оценкой субъекта модусного глагола» [6, с. 100]. Модальные слова относятся в рассмотренных нами отрывках (16), (17), (18) к целому высказыванию – в этих случаях мы можем говорить о модальности de dicto. Происходит анализ событий прошлого, герои переосмысливают и пытаются дать самим себе ответы на поставленные ранее вопросы. Если мы сопоставим эти высказывания с рассмотренными нами ранее (12), (13), (14), то мы увидим, что в них отсутствует психологическое напряжение, характерное для отрывков, содержащих имплицитные средства выражения предположения, содержанием которых выступает, как правило, внутренний поиск. Именно это и является характерной чертой психологического романа – эпистемическая модальность в них выступает как модальность текстового порядка: в его центре находится человек со своей внутренней жизнью, а главными мотивами его поведения становятся внутренние импульсы, а не внешние обстоятельства.

Итак, рассмотренный нами материал позволяет сделать следующие выводы:

1. Конструкции с семантикой эпистемической модальности, употребленные в начале либо в конце микротемы, или диктемы, позволяют реализоваться таким структурным текстовым категориям, как членимость текста, когезия, континуум, автосемантия отрезков, ретроспекция и проспекция, модальность, интеграция и завершенность.

2. Имплицитная эпистемическая модальность, содержащаяся во внутреннем монологе и несобственно-прямой речи, способствует формированию содержательных текстовых категорий: категории образа автора и персонажа, времени, причинности и подтекста.

3. Предложения с имплицитной семантикой эпистемической модальности усиливают напряжение в повествовании. Как правило, это конструкции, характерные для психологического романа. Эксплицитно выраженная семантика предположения содержится в тех фрагментах произведений, которые содержат саму развязку.

4. Категорию эпистемической модальности можно рассматривать как синкретическую категорию, поскольку конструкции с семантикой предположения могут участвовать в передаче причинно-следственных отношений.

Перспективным представляется также анализ роли конструкций с семантикой эпистемической модальности в выражении концептного содержания текста, но это уже предмет отдельного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Блох М. Я.* Теоретические основы грамматики. 4-е изд., испр. М.: Высшая школа, 2004. 240 с.
2. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2004. 144 с. (Лингвистическое наследие XX века).
3. *Гончарова Е. А.* Интерпретация текста. Немецкий язык: Учеб. пособие / Е.А. Гончарова, И.П. Шишкина. М.: Высшая школа, 2005. 368 с.
4. *Матвеева Т. В.* Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Синхронно-сопоставительный очерк. Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1990. 172 с.
5. *Одинцов В. В.* Композиционные типы речи // Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функциональные типы русской речи. М.: Высшая школа, 1982. С. 130–217.
6. *Тураева З. Я.* Лингвистика текста: (Текст: структура и семантика): Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1986. 127 с.